ВЯ
АДАРЮКОВ

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ ЗНАК

1ое ПРИЛОЖЕНИЕ К
„СРЕДИ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ"

1921
МОСКВА

119058

ПР

пров.
1980

Z
994

ЭКЗЕМПЛЯР

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛ... ...ЕСКОЙ
АД...

Прототипом русского книжного знака в течение долгого времени служили так называемые „вкладные записи“, составлявшия чисто национальную форму, оригинальные особенности которой точно отразили в себе весь общий строй нашей средневековой культуры и современное древне-русскому быту общественное мировоззрение.

Некоторые исследователи не видят связи между нашими „вкладными записями“ и книжными знаками. Такой взгляд нам кажется неправильным. Вряд ли можно отрицать, что главнейшая функция ex-libris'а служит прежде всего знаком принадлежности книги. Именно эту функцию, как то определенно теперь доказано, исполняли в течение более двух столетий „вкладные записи“, — служа единственным знаком принадлежности книги. Никто не считает „вкладные записи“ ex-libris'ами и не ведет происхождение наших книжных знаков со времени их появления, но вряд ли можно отрицать эту непосредственную преемственность.

Ни в одной стране книга не связана так тесно с историею народных масс, с их верою, с ходом культуры, как в России.

Книгописание в древней Руси считалось делом богоугодным, которым занимались не только монахи, но и мирские люди, нередко высшие государственные люди и высокопоставленные духовные лица. В старину учили, что от книгописания „трое благо получиши: первое — от своих трудов питаешься, второе — праздного беса изгоняши, третье — с Богом беседовами имаши." К писанию книг приступали с молитвою, дописанную книгу заканчивали благодарением Всевышнему. Списывание книг считалось делом весьма важным, требующим больших сведений и даже особой помощи свыше, в некотором роде духовным подвигом. С каким уважением относились к книге в первые времена ее существования, свидетельствуют современные отзывы, в которых говорится, что люди „из книг учатся путям покаяния, в словах книжных обретают мудрость и воздержание" и что „в книгах неисчерпаемая глубина: ими утешаемся в печали, оне — узда воздержания." Рукописные книги с их долгой и трудной работой письма и украшений, дорогой материал, роскошные переплеты — все делало старинную книгу на Руси редкостной и драгоценной.

Вся умственная жизнь русского общества до Петровской эпохи сосредоточивалась исключительно на интересах духовных. Наша церковь, целым рядом безусловных запрещений, стесняла всякое проявление свободного творчества; установив незыблимый взгляд на произведения светской литературы — былины, сказки и песни, — как на бесовскую потеху, осуждаемую наравне со срамословием, пьянством и клятвопреступлением. Церковь допускала лишь обращения к Богу, направленные к спасению души, при чем в своих поощрениях дорожила более внешними формами и обрядами, чем духом и сущностью христианской религии. Для русского человека, в старину дорожив-

шего обрядовой стороною религии, самым рациональным средством замолить свою греховную жизнь и обеспечить себе светлое будущее, являлось так или иначе умилостивление божества дорогим подношением, каким беспорно являлась книга, составлявшая в те времена очень большую драгоценность. В этих целях — заслужить себе прощение грехов, русские люди заказывали дорогие рукописные книги и подносили их Богу в церкви и монастыри. В обозначении этого вклада, об'яснений его цели, и поименовании имени жертвователя, выразился тот единственный старинный знак принадлежности книги, который известен под именем „вкладной записи". Запись эта делалась обыкновенно собственоручно самим вкладчиком и, начинаясь на первой странице рукописи, тянулась в форме деловой скрепы до середины, а иногда, даже до самого ее конца, оканчиваясь рядом с выходной летописью. Последняя помещалась на последней странице рукописи и заключала в себе обозначение имени переписчика и года оканчания его труда. „Вкладная запись" начиналась обозначением числа и года, в который производился вклад, затем следовало наименование самого жертвователя и об'яснялась цель вклада.

Но помимо этого, жертвователь должен был оградить книгу от похищения или злонамеренной ее порчи. „В те времена", пишет первый исследователь русского книжнаго знака В. А. Верещагин, „когда твердо верили, что клеветник в аду постоянно жует и выплевывает свой собственный язык, раскаленный как железо, висящий до полу и выростающий вновь, и что жабы выскакивают у исповедующего изо рта при всяком исповеданном грехе, снова вползая все внутрь при одном грехе сокрытом, — лучшим средством ограждения неприкосновенности книги могла быть только угроза гневом Божьим. Вся наша средне-

вековая религия превращалась для огромного большинства православных людей в ряд молитвенных формул, имевших тот или другой магический смысл, и русский человек должен был несомненно верить в таинственную силу этих формул, верить в то, что оне, сами по себе могут остановить всякую дерзновенную и преступную руку и охранить его достояние". Для того, чтобы запугать фантазию верующего, авторы „вкладных записей" обыкновенно оканчивали ее разными угрозами: „а кто сию книгу возьмет из дома Божия, на том будет тягота церковная"; другой пишет: „теды мы будем с ним суд имати на втором страшном Христовом пришествии пред нелицемерным судьею, который воздаст каждому по заслузе"; третий грозит проклятием: „а кто бы смел ей взяти от церкви, тот будет проклят в сей век и в будущий и не прощен и по смерти не разрешен. Аминь"; четвертый заканчивает свою запись еще более угрожающими словами: „а кто изволит сию книгу продати, да будет проклят на сем свете и на том от Великаго Бога Саваофа и от всех ангел и от всех пророков и мученик, и святых отец или купит ея, также да будет проклят, или выдерет, единопроклятие примет и со мной суд будет имати во второе Божие пришествие, егда судья сядет бранный и нелицемерный тысячами тысяч ангел окрест его". После подобных угроз следовала обыкновенно подпись владельца: „а подписал такой-то своею рукою", или „писал своею рукою ради уверения в том".

Что касается угроз присвоителям чужих книг, то таковые встречаются и в иностранных книжных знаках: так, на одном американском книжном знаке, по всей вероятности заимствованном из какого нибудь более старинного рисунка, напечатано полу-латинское, полу-французское четверостишие на ту же тему, а над ним изображена человеческая фигура, которую чорт вздер-

гивает на виселицу, наглядно показывающая участь присвоителя книг в будущей жизни. На другом иностранном старинном книжном знаке имеется надпись: „Кто эту книгу не отдаст, у того пусть рука отсохнет".

Как видно из „Каталога рукописей Публичной Библиотеки", составленным А. Ф. Бычковым, такие записи встречаются не на одних книгах, отдаваемых в виде вкладов в церкви и монастыри, а на многих других, служа знаком принадлежности книги. Тот же исследователь русского книжного знака, В. А. Верещагин, приходит к заключению, что эти „вкладные записи" во второй половине XVII и в начале XVIII веков приобрели значение простого знака принадлежности книги, с той разницей, что вкладные записи последнего характера отличаются от первых лишь тем, что заклинания и проклятия в них встречаются значительно реже: „Сия божественная книга дому преосвященнейшего Гавриила, епископа Рязанского и Муромскаго подд'якона, а Славяно-Грамматического училища учителя и грамматиста Тимофея Ипатьева, собственная. А цена бо ей двести пенязей, сего дела подписал я, Тимофей Ипатьев, собственною своею рукою в городе Переяславле Рязанском, в доме своем 1730 году Июля 22 дня, то есть в среду, в память святыя мироносицы Марии Магдалины, в день тезоименитства сожительницы своея и сим бо словом любезнейшим тако заключаю. Аминь".

Таким образом в течение целого ряда веков единственным знаком принадлежности книги у нас служили „вкладные записи", ярко отражавшие в себе наивную веру, темное невежество руссокого народа с ее многострадальной исторической жизнью. Само собой разумеется, что никаких других книжных знаков у нас не могло быть в то время и потому, что вся древ-

няя Русь была почти поголовно безграмотна. Не даром известный капитан Маржерет, посетивший Россию в начале XVII века писал:„ невежество русского народа есть мать его благочестия — он не знает ни школ, ни университетов.» Даже в самую блестящую эпоху Екатерининского царствования, в 1786 году, на всю Россию с 25 милионным населением было всего 40 училищ. Во всю-до Петровскую эпоху у нас единственными собирателями книг являлись лишь монастыри. О частных собраниях мы имеем очень скудные сведения. Первые настоящие собиратели книг появляются у нас со времени Петра Великого и лишь в это время появляются у нас первые частновладельческие библиотеки, преследующие уже не узко-духовные, а просветительные цели. В статье Голомбиевского, напечатанной в № 6 „Библиографических Записок“ 1892 изд. Шибанова, приведены сведения о трех епископских библиотеках первой четверти XVII века: борца с расколом Питирима, архиепископа Нижегородскаго Св. Иннокентия, Иркутскаго Афанасия Кондоиди. П. Петров в „Росс. библиографии“ 1880 г. № 55 дает указания на четвертую библиотеку архиепископа Новгородского Феодосия Яновскаго. На ряду с этими духовными лицами, появляются первые наши библиофилы и собиратели книг светского звания: сын Петра Великого — Царевич Алексей, гр. Яков Вилимович Брюс, гр. Андрей Артамонович Матвеев, кн. Дмитрий Михайлович Голицин, Шафиров, лейб-медик Петр Арескин, знаменитый Виниус, Питкорн и Пальмстрок. О библиотеках этих лиц мы имеем уже более подробные сведения в трудах: Пекарского, Петрова, Ундольского, Иконникова и других. Между этими первыми нашими библиофилами и надо искать владельцев первых наших книжных знаков, ибо только с появлением книголюбцев и собирателей мог появиться у нас и книжный

знак. Несомненно, что ex libris был занесен к нам из за-границы, где он существовал уже давно. Хотя В. А. Верещагин указывает, что первый книжный знак появился в Германии в 1480 году и принадлежал Гильдебрандту Фон-Бибераху, но на самом деле известен другой ex libris, появившийся на 20 лет раньше, именно в 1460 году, в прекрасно исполненной гравюре Бартеля Шена, принадлежавшей Бернгардту фон-Рорбаху.

Установить точно, чей именно у нас был первый книжный знак и в котором году он появился, нашим исследователям пока не удалось. Существуют только предположения. В 1902 году появилась первая талантливая монография о русском книжном знаке В. А. Верещагина, выпущенная в количестве 500 экземпляров с 105 русскими книжными знаками, печатанными синей и коричневой краской и 250 с французским текстом с 125 русскими, польскими и финскими книжными знаками вне текста черной краской, 40 нумерованных экземпляров на меловой бумаге с русским и французским текстом с 105 книжными знаками в тексте печатанными синей и коричневой краской и сюитой из 125 знаков вне текста черной краской и 10 экземпляров именных. В том же 1902 году вышла небольшая брошюра У. Г. Иваска. „О библиотечных знаках, так называмых ex libris'ах. По поводу 200-летия их применения в России 1702-1902“ с 19 книжными знаками, напечатанная в количестве 600 экземплярах, из которых 200 на бумаге „верже“. Брошюра эта заключала в себе лишь общие места о книжных знаках, о русских знаках говорилось мало, а воспроизведения были не интересны. Автор устанавливает 1702 год — годом появления первого у нас знака, считая им ex libris графа Константина Людвига Платера префекта Лифляндского, позже канцлера Великого Княжества Литовского. На этом знаке, с подписью

на латинском языке, был изображен герб Платера и трофеи, а на верху два бюста и глобус. В журнале „Антиквар“ за Июнь того же, 1902, года было совершено правильно замечено, что вряд ли можно считать „русским“ книжным знаком библиотечный знак немецкаго графа, посланника в России, ибо в таком случае пришлось бы принимать во внимание книжные знаки всех польских, шведских и других посланников в России, у которых могли быть книжные знаки и ранее 1702 года. В ответ на эту заметку У. Г. Иваск поместил крайне курьезное „Письмо в редакцию“, напечатанное в Августовской книжке того же „Антиквара“: „Я вовсе не намеревался дать историю библиотечнаго знака, а лишь растолкование того, что такое библиотечный знак.

Поэтому нельзя говорить, что труд В. А. Верещагина и мой очерк посвящены одному вопросу; они посвящены одному и тому же предмету, а потому и не могут быть друг с другом сопоставлены как нельзя сравнить силу голоса полкового командира с длиною бамбукового тростника. Я согласен, что воспроизведенные снимки не интересны, но никак не могу согласиться, чтобы они были не типичны. Целесообразное не всегда может быть интересным. Журнальный характер прямо вытекает из цели брошюры. Что касается книжного знака графа Платера, то я в этом случае привел лишь мнение других, с которым я не согласен.“ Печатая это письмо, редакция „Антиквара“ замечает, что считает излишним его коментировать. Автор этой брошюры говорит в ней очень пренебрежительно о наших книжных знаках; так, в ней напечатано следующее: „Что касается, наконец, специально русских ex libris'ов, а именно XVIII-го и первой половины XIX-го столетия, то разбирать и описывать все их в отдельности не имело бы смысла,

хотя и число их не очень большое. Дело в том, что большинство их может быть разделено на две преобладающие группы, а именно: 1) на ярлыки, с изображением родовых гербов, около которых помещены надписи и 2) на ярлыки, чисто типографского происхождения, без, или с незначительными украшениями. Ex libris'ы той и другой группы отпечатаны преимущественно на белой бумаге одной черной краской и только за последние годы русские ex libris'ы получили более разнообразный вид: тут и виды, цветы и лиры — одним словом, полная фантазия." Этот отрицательный взгляд у автора брошюры, очевидно скоро изменился, ибо через три года появилось описание русских книжных знаков, составленное им же. В той же брошюре автор указывает, что книжные знаки книгопродавцев и книжных антиквариев не могут претендовать на причисление их к книжным знакам, так как преследуют совершенно другую цель — цель рекламы. И от этого взгляда У. Г. Иваск также отказался, так как поместил в описании русских книжных знаков ex libris'ы, и книгопродавцев и книжных антиквариев, при чем по непонятной причине, исключил петербургского известного антиквария В. А. Клочкова — именно того, у которого имелось десять различных книжных знаков, не считая различных разновидностей.

Что касается первого русского книжного знака, то, с гораздо большим основанием, В. А. Верещагин высказывает предположение о том, что таковым был ярлык библиотеки князя Дмитрия Михайловича Голицына, знаменитого Верховника, сложившего голову при Анне Иоановне за попытку к ограничению самодержавия в России. Его библиотека была составлена по известной программе и заключала в себе 6.000 томов на русском, голландском, испанском, английском, шведском, немецком, польском, французском и латинском языках. Об этой библио-

теке, давно привлекавшей внимание ученых, существует целая литература в трудах: Пекарского, Иконникова, Корсакова и др. Книжным знаком этой библиотеки был ярлычек с изображением в одну строку слов: „Ex Bibliotheka Arcangelina", по имени родового имения князя, знаменитого подмосковного села Архангельского. В другом, соседнем с этим имением, — также принадлежавшим Голицыным, „Никольском-Урюпино", пишущему эти строки удалось видеть, составленный в 1722 году самим князем Дмитрием Михайловичем Голицыным рукописный каталог этой библиотеки. Судя по тому, что в 1707 году Голицын был Киевским губернатором и тогда уже обладал библиотекой, поручая тамошним студентам и ученым переводить для него разные ученые сочинения, время появления его книжного знака должно быть ранее 1707 года. Первым русским геральдическим книжным знаком должен считаться гравированный герб графа Якова Вилимовича Брюса, одного из образованнейших сподвижников—Петра Великого, заслужившего у нас название „чернокнижника". Герб его имеет девиз „Fuimus", середина герба окружена Андреевской цепью со словами „за вѣру і вѣрность". Библиотека его заключала в себе 735 названий и носила энциклопедический характер. Иконников ошибочно указывает количество книг этой библиотеки вдвое больше. В статье И. Е. Забелина „Библиотека и кабинет графа Я. В. Брюса", напечатанной в „Летописях русской литературы" Тихонравова 1859г. Т. I, стр. 28—62, приведена опись книг гр. Брюса, по которой они принимались после его смерти в Академии Наук. К числу весьма ранних русских геральдических книжных знаков и, кстати сказать, трудно находимых, должны быть отнесены: барона и баронессы Строгоновых, Ф. Таманского, кн. Долгорукова (воспроизведенный на стр. 5 книги В. А. Верещагина), кн. П. Трубецкого, гр. П. Чернышева, гр.

Ланского, гр. Орлова, П. Салтыкова, сенатора М. Соймонова. На раннее появление этих книжных знаков дают указания даты рождения и смерти их владельцев. К числу весьма ранних ex libris'ов относится гравированный на дереве геральдический знак князей Трубецких с девизом: „Nec temere, nec timide". Единственный известный экземпляр этого книжного знака имеется в собрании В. К. Трутовского.

Таким образом, на первое время у нас устанавливаются два типа книжных знаков: ярлык, получивший значительное распространение и геральдический знак. Первым художественным знаком является книжный знак графа А. Безбородко, гравированный, как предполагают, Скородумовым, на что строго говоря, нет точных указаний, в списке работ Скородумова у Д. А. Ровинского, знак этот не упомянут.

Начиная с 1897 года в „Известиях книжных магазинов" и „Вестника Литературы" Вольфа было помещено 20 мелких статеек и заметок о книжных знаках и воспроизведена масса русских и иностранных ex libris'ов, а в 1905 году был об'явлен первый в России конкурс на ex libris для народных библиотек, на котором 1-ю премию получил А. Н. Депальдо, а 2-ую А. А. Бельзен. Второй конкурс был об'явлен не для художников; согласно условий его, от представляемого проекта не требовалось художественного исполнения, но лишь удачная идея, выраженная хотя бы в неумело сделанном наброске. К сожалению, этот конкурс не состоялся. В том же журнале был напечатан, правда, далеко не полный список наших коллекционеров. Вообще, в деле популяризации у нас книжного знака и знакомства с иностранными, нельзя не признать заслуг этого небольшого журнала. Четыре заметки о книжных знаках были помещены в журнале Н. В. Соловьева „Антиквар" и две в

„Печатном Исскусстве". В 1905 году М. Я. Параделов издал большой труд У. Г. Иваска „Описание русских книжных знаков" с 411 воспроизведенными ex libris'ами, в количестве 350 экземпляров, из которых 50 были отпечатаны на слоновой бумаге. По внешнему виду и техническому расположению материала, труд этот напоминает издание Д. А. Ровинского „Словарь русских граверов". К сожалению, составитель этого почтенного и кропотливого труда не последовал примеру Ровинского и не дал отдельного списка художников—авторов ex libris'ов, хотя бы с краткими биографическими сведениями. В труде У. Г. Иваска не было указателя литературы о книжных знаках. Не мешало бы, конечно, присоединить и список коллекционеров. Все эти данные, несомненно, повысили бы ценность труда У. Г. Иваска и создали бы из него полное руководство; но и в настоящем его виде, труд этот является единственной справочной книгой для всех наших коллекционеров. В 1910 году уже самим автором был выпущен выпуск 2-й этого труда с 81 снимками, в количестве 200 экземпляров, из которых 10 на слоновой бумаге. Эта разница в количестве экземпляров показывает, что 350 экземпляров оказалось слишком для нас велико, ибо они не разошлись в течение 5 лет. Наконец, в 1918 году И. П. Сотниковым был издан 3-й выпуск того же труда с 79 снимками в количестве опять, как и первый выпуск, 350 экземпляров. В этом выпуске был пополнен пробел и помещен „Хронологический указатель литературы о книжных знаках", вышедший отдельной брошюркой в количестве 100 экземпляров. В этом указателе, заключающим в себе 97 нумеров, были включены книги и о польских книжных знаках. В том же 1918 году вышло издание в Петербурге книжного кооператива „Петрополис" „Книжные знаки" с 23 подлинными ex libris'ами и с

перечнем книжных знаков, воспроизведенных в журналах и книгах (225) и проектов книжных знаков (16). В этом издании был также напечатан указатель литературы о русских книжных знаках. В обоих указателях не было упомянуто о первой по времени книге, в которой было помещено несколько русских книжных знаков. Книга эта, в настоящее время составляющая библиографическую редкость, вышла в 1874 г. в Варшаве под заглавием: „Les Elsevirs de la bibliothèque de l'Université Imperial de Varsovie. Par Stanislas Joseph Siennicki". Среди 30 польских книжных знаков в ней было пять русских: Батовского (не описанного у Иваска), библиотеки Генерального Штаба, Тургенева, Розенберга (не описанного у Иваска) и графа Сухтелена.

В прошлом, огромное количество русских книжных знаков составляли ярлыки и штемпеля с обозначением „библиотека", „из библиотеки", „книгохранилище", „из книг", „собрание книг", такого-то, или же просто одно имя, как, напр.: „Матвей Виельгорский" или „Граф Александр Николаевич Граббе". На некоторых ярлыках значатся еще слова: „зал", „шкаф", „полка", „книга", „№.... отдел.... место....", „автор", „Приобретена", „Подарена", „Стоимость книги.... переплета....". Другим типом наших книжных знаков служат так называемые „вензелевые", на которых изображены иногда чрезвычайно сложные вензеля из двух или трех букв с коронами над ними. Эти „вензелевые" знаки особенно были распространены у членов бывшей царской семьи, при чем самый вензель окружен сиянием; за весьма малым исключением, их нельзя признать изящными. Третьим, также распространенным, типом наших книжных знаков служат ярлыки, снабженные различными изречениями довольно банального свойства: „знание—сила", „человек умирает, но

книга живет", „знание—единение", „книга—друг, который никогда не меняется" или стихами, как это значится на книжном знаке Г. И. Малышева, повторенных на знаке С. В. Миронова. В этом типе книжных знаков очень много просьб, предостережений, напоминаний о возврате книг из чужих библиотек. Надписи эти имеются во всех странах, но особенно распространены именно у нас. Во Франции отыскался старинный ex libris, появление которого может быть отнесено к царствованию Франциска I. Этот знак принадлежал Жану Берто, ученому и ярому противнику Лютера; под рисунком, изображающим апостола Іоанна с орлом и семиголового апокалипсического зверя на заднем плане, написан дистихон, в котором обещают каждому, кто принесет утерянную книгу или возвратит взятую, стакан хорошего вина. На одном старинном иностранном знаке напечатано: „Не имею библиотеки для всеобщего чтения", на другом: „Можно пользоваться, но не злоупотреблять взятой книгой, ведь и пчела дотрагивается до лилии, но не грязнит ее". У нас очень много надписей, направленных против зачитывания книг; так, на книжном знаке В. Н. Глухарева значится: „Кто эту книгу утаит, тот будет назван вором", у Д. И. Кабановой: „Желающий может эту книгу взять себе. Тот, кому она не нужна, пусть ее не рвет, а передаст другому". „Прошу не зачитывать!" кратко значится на книжном знаке Н. М. Бакунина. „Читай, да не зачитывай!" печатает на своем знаке Шустов. „Прошу не зачитывать", значится на знаке Кундеревича. „Книга эта украдена у Позднякова", „украдена у Гатцука". „Михаил Семенович Рябинин книги свои никому не продает и не дарит, а сия у него украдена". Этот собиратель не ограничивался только этой надписью, но считал нужным выставлять еще золотом штамп на переплете: „Книга сия укра-

БИБЛИОТЕКА

дена у Михаила Семеновича Рябинина". Такие надписи продолжают появляться на книжных знаках и в данное время: так Н. И. Фидели пишет на своем знаке: „Убедительно прошу обращаться с книгами аккуратнее и возвращать их немедленно по прочтении". Один из владельцев библиотеки, некто В. Ф. Прорубников, пишет: „Прошу любезных читателей держать книги в чистоте и порядке". Другой—Н. Блохин, счел нужным напечатать на своем знаке правила обращения с книгами: „Прошу читающих мои книги, заметок в ней не писать, углов не загибать, и книгу не выворачивать". Дальше всех в этом отношении пошел владелец, самого большого по размерам (25×14 сант.) и, пожалуй, самого у нас сложного ex libris'a— некто Григорий Вильгельмович Шварц. На его книжном знаке, не описанном у Иваска, наглядно показано в рисунке как надо держать книгу в руках переворачивая страницы и как не надо, о чем сделаны подписи и даже на двух языках: на русском и немецком. На этом ex libris'е изображены: обнаженная женщина с серпом и горящим факелом в руках, кавалер мальтийскаго ордена, бюсты Шекспира и Шиллера, портрет Ибсена, стихи Пушкина и Шиллера, герб и кроме всего этого следующее стихотворение:

Я Вам любовницу охотно одолжу,
Когда обзаведусь я подходящей,
Но книгою я больше дорожу,
Чем женскою любовью преходящей,
И потому боюсь Вас рассердить—
Я книгою Вам не могу служить.

Автором этого книжного знака, появившегося в Киеве в 1909 году, был как это значится, на знаке, Förster. Ex libris,

этот был гравирован на меди в Мюнхене и с него было сделано цинковое клише.

Что касается штампов, отпечатываемых несмываемой краской, то они, по справедливому замечанию В. А. Верещагина, принесли русской любительской книге быть может не менее вреда чем черви, пыль, сырость и все враги книги вместе взятые. Штампы эти ставились везде, начиная от заглавных листов, кончая полями, находящихся в книге гравюр. В. А. Верещагин указывает, например, что все книги библиотеки купца С. были заклеймены его штемпелем на каждой девятой странице. Что это встречалось у мало-культурного купца не удивительно, но пишущему эти строки недавно пришлось приобрести прекрасное французское издание путешествия Демидова с 64 гравюрами на дереве по рисункам Раффе и в этой книге, помимо очень нарядного геральдического ex libris'a Pistohlkors-Koltzen, в 17 местах текста, в том числе на 5 гравюрах стоял штамп синей краской: „A. v. P. Bibliothek zu Koltzen". Нельзя же удивляться тому, что даже люди богатые, для которых казалось бы расход на составление художественного книжного знака не мог быть обременительным, довольствовались омерзительными штемпелями, как, напр., „Библиотека графа К. П. Кутайсова", „Библиотека графа И. А. Апраксина", „князя Анатолия Ивановича Барятинского", „Князя Михаила Дмитриевича Волконского" и весьма многих и многих других.

В общем, в 3-х выпусках труда У. Г. Иваска книжных знаков в виде ярлыков и штемпелей, принадлежащих частным лицам (не считая разновидностей) описано 1028, если к этой цыфре мы прибавим книжные знаки различных казенных и общественнх учреждений, огромное большинство которых также составляют ярлыки и штемпеля, а также книжные знаки антик-

варных и книжных магазинов, то мы получим почтенную цыфру 1379 на 1979 всех книжных знаков, описанных в 3 выпусках труда У. Г. Иваска. Общее число их в том же труде, со всеми разновидностями, равняется 2593.

Известно, что в прошлом, русские вельможи и помещики составляли богатейшие библиотеки. Книгособирательство это началось с царствования Екатерины II, скупавшей за границей картинные галлереи и библиотеки. Подражая ей, многие устраивали у себя маленькие Эрмитажи и собирали такие книжные собрания, которые были известны даже Европе. Что касается помещичьих библиотек, то чрезвычайно странно, что большинство владельцев их также ограничивалось простыми ярлыками и штемпелями, как например: „Библиотека князя А. И. Оболенского в селе Семерлине", „Библиотека села Горок", „Библиотека имения Васильевского", принадлежавшая прежде гр. Васильеву, а за тем гр. Граббе. Прекрасная библиотека гр. Орловых-Давыдовых имела также простой синий штемпель „Отрада", по имени имения, в котором она находилась. Только значительно меньшая часть помещичьих библиотек имела геральдические книжные знаки с названиями имений: „Село Большая Алешня", „Сельцо Молодое", „Волынщина", „Село Полуэктово". Владельцы прекрасных усадеб, в которых находились эти библиотеки, совсем не пользовались видами этих чудных построек работы Гваренги, Растрелли и др. знаменитых архитекторов, как мотивами для своих книжных знаков, что так распространено в Англии и Германии. Из числа всех наших книжных знаков, известны только два с видами усадеб: А. И. Аничкова, рисованный О. Э. Бразом и Н. А. Авинова.

Также чрезвычайно мало у нас книжных знаков с изображением внутреннего вида библиотеки; из числа этих знаков

известно только четыре: Н. П. Лихачева, Д. В. Ульнинского, В. Ф. Фреймана с изображением залы инкунабул Публичной Библиотеки и С. И. Чижова.

Так называемые „пейзажные" книжные знаки распространенные в Германии и Англии, где целый ряд художников как Гогард, Генсборо в Англии и Отто Убелодэ, Фогелер и Хирцель в Германии создали миниатюрные шедевры в этом роде, у нас также отсутствуют; среди старинных этого типа книжных знаков можно назвать только один—изящный книжный знак Андерсона, а более поздних: Софьи Марк (не описанный в труде У. Г. Иваска) и П. Гнедича.

Что касается „портретных" книжных знаков, то таковые начали появляться в Германии еще в конце XVI века. Один из них принадлежал известному гуманисту и писателю Шписгаммеру; в пояснительной надписи он излагал причину, заставившую его поместить свое изображение; он полагал, что даже один вид его лица в состоянии удержать вора от преступления, а поэтому нет сомнения напомнит и взявшему книгу о том, что это чужая собственность. Но надо полагать, что большинством лиц руководило в данном случае просто тщеславие. У нас имеется 20 портретных знаков: силуэт А. П. Бахрушина, К. В. Балсуновского, Ф. В. Веркмейстера, А. И. Воробьевой, императрицы Елисаветы Алексеевны на двух совершенно одинаковых книжных знаках: В. Широкова и В. И. Нечаева. Оба эти знака почему-то не попали в труд У. Г. Иваска, несмотря на то, что первый из них был воспроизведен в монографии В. А. Верещагина. Затем следуют портретные знаки В. Дорошевича, Н. П. Кашина, К. П. Кублицкого-Пиотух, Н. П. Лихачева, Ломоносова (на книжном знаке А. А. Жукова), А. С. Пушкина (на книжном знаке Эпштейна), О. Ф. Ретовского, М. И.

Рославлева, Р. Тильберга, В. Ф. Фреймана, актера Щепкина (на книжном знаке Анфимова), П. Д. Эттингера, Г. Ю. Юдина (не описанного у Иваска), А. П. Юргенсона и первопечатника Федорова (на знаке А. А. Сидорова). Все эти книжные знаки недавнего происхожденя.

В числе старинных русских книжных знаков наиболее интересными и лучшими по исполнению, так как очень многие из них гравированы на меди, являются геральдические книжные знаки, имевшие самое широкое распространение и в Европе. Во всех трех выпусках труда У. Г. Иваска их 291, считая в том числе некоторые гербы, в двух и даже трех экземплярах, как принадлежащие разным лицам, но носящим одну и ту же фамилию. В числе этих книжных геральдических знаков не мало принадлежащих прибалтийским баронам, рисунки для которых были исполнены немецкими художниками, как Отто и Грюневальд. Между нашими геральдическими знаками, есть один очень редко попадающийся, с двумя гербами и надписью: „Печать баронессы Варвары Сергеевой, дочери Плессен рожден. княжны Гагариной". Этот знак почти единственный со словом „Печать" (не описан у Иваска); есть еще штемпель: „Печать барона А. А. Сталь фон-Гольстейна". В интересной статье В. С. Савонько „О русском геральдическом знаке" („Среди коллекционеров" № 5), цифра геральдических знаков указана в 485, но в это число, очевидно, вошли как не описанные Иваском, так и вышедшие после появления в свет его труда. Среди наших геральдических знаков есть чрезвычайно изящные, как, напр., А. Дашкова, но более интересными из них все-таки надлежит признать те, которые воспроизведены в соединении с разными орнаментами или с аллегорическими, символическими и художественными атрибутами или изображениями. Число

именно этих последних в прошлом у нас очень ограничено, что служит показателем того, что у нас не было той эволюции книжного знака, которую он пережил на Западе за свое свыше 400-летнее существование. Кроме чисто декоративной функции, книжный знак является и носителем известного внутреннего смысла, определенного символического содержания. В этом отношении „чистые", так сказать, геральдические знаки, без всяких добавлений, хотя и интересны в бытовом и генеалогическом отношениях, но они почти бессловесны: они не имеют непосредственного отношения к данной библиотеки и ее живому владельцу, они говорят больше историку, чем библиофилу и художнику. У каждого библиофила должен быть собственный ex libris, отражающий дух его библиотеки, ее характер, особенности и отражение это должно выражаться в символе книжного знака. Именно таких книжных знаков у нас, к сожалению, почти нет и попытки в этом отношении нельзя признать удачными, стоит только вспомнить книжный знак того инженера-электротехника и вместе с тем музыканта, который задал художнику задачу выразить аллегорически эти обе его специальности, в его книжном знаке, — получилось нечто невообразимое и мало понятное. Что касается вообще символического, книжного знака, особенно теперь так распространенного, то у некоторых является сомнение пригоден ли такой ex libris для каждой книги? В самом деле, нельзя сказать, что книжный знак с головой сатира или какой нибудь дьявольской рожей может быть пригодным для украшения книги религиозного содержания и тома поэтических нежных стихов, а какой нибудь идеальный образ вряд ли будет у места на заглавном листе романа Куприна „Яма" или „На дне" Горького. Как в том, так и в другом случае, для людей со вкусом и пониманием это несоответствие

между содержанием книги и книжным знаком, долженствующим служить ее украшением, будет нечто вроде диссонанса, особенно теперь, когда всеми признано, что в книге все: рисунок обложки, шрифт, иллюстрации, виньетки, заставки, заглавные буквы, одним словом, все художественные украшения, сливаясь в гармоничное целое, должны быть строго согласованы, проникнуты одним стилем и духом определенной эпохи. В виду этого, многие пробовали ввести так называемый универсальный книжный знак, в который имя собственника вписывается от руки. Знаки такого типа существовали за границей еще в XV веке, возобновление их успеха не имело, у нас же они совсем не применялись. Для владельцев символического знака не подходящего ко всем отделам библиотеки, можно рекомендовать иметь помимо его и другой книжный знак. В отношении символических книжных знаков французские художники достигли удивительных результатов: они сумели дать в эффектных и остроумных изображениях к какому нибудь девизу или какой нибудь сентенции подходящий и выразительный символ. Их книжные знаки отличались несложностью и сильной выразительностью, легко воспринимались и запоминались зрителем и таким образом как бы превращались в символ их собственников. Это искусство французских художников, вкладывавших в их книжные знаки массу фантазии и остроумия, нашло подражание и в Англии и в Германии; так, немецкий художник Якоби именно под французским влиянием дал ряд простых, но выразительных символов, как например для врача он изобразил аллегорически медицину в виде протянутой руки, удерживающей косу смерти в тот момент, когда она заносит ее над цветком. Что касается, кстати сказать, наших медицинских книжных знаков, то у нас из числа таковых известен всего один — Ф. Н. Тавилдарова,

на котором изображены два средневековых доктора в париках, ноги больного, прикрытые простыней и склянки с лекарствами, внизу изречение на латинском языке: „если не излечивают лекарства, то на помощь приходит смерть".

„Декоративных" книжных знаков в прошлом у нас не было: все они появились сравнительно недавно. Общее их число в трех выпусках труда Иваска—281. Среди них не мало имеющих чисто банальные сюжеты, как например: совы, черепа и книги. Эти элементы несложной декорации, заимствованные из Германии, где в композиции ex libris'ов, фантастическое изображение смерти играет большую роль, значатся на ex libris'ах: Ария, Аркадьева, О. Булгакова, Голикова, Давидова, Женни, Надеждина, Пергамента, Пономарева, Паренаго, Треймана, Сно, Фомичева, Сандуленко и многих других. Особенно безвкусен последний из этих ex libris'ов; не мало также книжных знаков, на которых изображен читающий старик или монах, а также виды Кремля, Ивана Великого, складней, старинных наших кубков и других предметов „русского стиля". Один из московских „Коммерции Советников" додумался до изображения на своем книжном знаке, полученных им орденов и медалей. Верхом безвкусия надо все таки признать ex libris'ы: владельца прекрасной библиотеки Н. К. Синягина и не описанных у Иваска знаков — Сильванского и Кованько.

Интересные декоративные знаки у нас начали появляться лишь в самое последнее время, когда и наши художники внительно заинтересовались их компановкой.. Декоративного типа книжные знаки очень распространены в Германии и в них, точно в уменьшенном зеркале, отражается в миниатюре все немецкое декоративное творчество. Равным образом эти книжные знаки получили также огромноо распространение в той стране, где

ex libris нашел самое широкое применение,— в Англии. Лучшие рисовальщики Германии и Англии, строго придерживаясь основных правил декоративной иллюстрации: чистоты и ясности линий и стремясь всецело к декоративному впечатлению, дали в этой отрасли ряд художественных книжных знаков, содержащих в себе огромный запас творчества, богатой фантазии и глубины мысли.

Немного у нас также и „музыкальных" книжных знаков, всего пять: Азанчевского, Бородина, Брандта, С. Н. Василенко и Финдейзена. В этих книжных знаках по большей части фантазия художников не пошла дальше изображения традиционной лиры. Что касается «детских» книжных знаков, то таких у нас очень мало. Архангельских, Бабкина, Визеля, Муханова, Островой и Чижовых. Очень изящен ex libris Бабкина, работы Д. И. Митрохина; талантливый художник изобразил на нем все, что остается у ребенка от чтения Жюль-Верна, Майн Рида и т. д.

Еще одним типом книжных знаков служат так называемые „фотографические". Знаки эти у нас не прививаются и оно вполне понятно, так как они далеко не художественны; из их числа у нас имеются: Балсуновского с его портретом, С. И. Чижова с видом его библиотеки, П. И. Щукина с видом его музея и О. Ф. Ретовского.

Среди наших книжных знаков существует целый ряд заимствованных с других ex libris'ов. В труде Иваска указаны только некоторые как напр. Бибикова с Долгорукова, А. П. Киселева с В. И. Клочкова, Арбузова с Арсеньева, Бирукова и Радина с иностранных ex libris'ов, Миронова с Малышева и Холодовского с немецкого издания сочинений А. П. Чехова. В труде Иваска не указано, что описанный им книжный знак

С. И. Белзецкого с изображением двух женских фигур, олицетворяющих истину и поэзию, представляет собою точную копию книжного знака известного немецкого драматурга Зудермана. Ex libris Ф. Парланда, изображающий обнаженную женщину, стоящую на черепе,— точная копия ex libris'a Friedrich Kleinwächter'a. Книжный знак М. Помяловского с повешенным Пьеро,— копия с ex libris'a Georgs Coury; также с иностранного знака заимствован ex libris, принадлежащий Александру Протопопову. Рамка для книжного знака П. И. Тарасова представляет копию с книжного знака И. С. Остроухова, рисованного В. М. Васнецовым. Также заимствованы с иностранных работ: ex libris П. П. Семеновского и оба знака С. З. Рохлина: первый, из работ Обри Бердслея, а второй из немецкого журнала „Die Woche".

В 1913 году вышло довольно несуразное издание: „Русские книжные знаки. Из собрания И. К. Антошевского", напечатанное в количестве 210 экземпляров, из которых 10 было именных. В книге было воспроизведено 44 книжных знака по несколько на каждом листе, при чем не было дано подробного описания ex libris'ам и все приведенные сведения отличались скудностью и краткостью. Особенность этого издания заключалась в том, что простые экземпляры продавались по 3 руб., а именные, ничем особенно не отличавшиеся",— по 25 руб.

Подводя итоги общего количества наших книжных знаков по их типам, мы видим, что из общего числа всех ex libris'ов описанных в труде У. Г. Иваска— почти 75% составляют ярлыки и штемпеля, совсем невстречающиеся за границей, и только 25% приходится на все остальные: геральдические, декоративные, пейзажные, портретные и т. д. Преобладание столь примитивного книжного знака об'ясняется той скромной ролью,

которую в прошлом играла у нас книга, с другой стороны—отсутствием вкуса и потребности к изящному у наших собирателей и тем можно сказать пренебрежительным отношением к искусству компановки книжных знаков, которое существовало у наших живописцев и граверов. В то время как в Германии и Франции такие художники как: Альбрехт Дюрер, Лука Кранах, Ганс Гольбейн младший, Буше, Кошен, Гравело, Эйзен, Шоффар и многие другие не считали для себя унизительным заниматься компановкой книжных знаков, у нас художники очевидно считали это искусство ниже своего достоинства и если встречаются более или менее громкие имена наших художников, рисовавших книжные знаки, то, как исключение, из приязни к владельцу библиотеки, например Викт. М. Васнецов и М. А. Врубель, нарисовавшие ex libris'ы И. С. Остроухову или А. Н. Бенуа — К. А. Сомову (при условии не воспроизводить его в печати). Если мы проследим по „Словарю Граверов" Д. А. Ровинского сколько было гравировано в прошлом нашими граверами книжных знаков, то увидим, что число их крайне незначительно: бароном Клодтом для Кочубея, В. Бобровым для гр. С. Д. Шереметева, Ф. А. Меркиным для Жемчужникова, Скотниковым для Оболенского, Набгольцом для гр. Толстого, один Е. Н. Тевяшовым и шуточный для Н. И. Веселовского — Н. Д. Чечулиным. Некоторое исключение в этом отношении представляет знаменитый Н. И. Уткин, вообще гравировавший гербы и книжные знаки; из числа последних им награвированы: два ex libris'а для императрицы Александры Федоровны, из которых один, описанный у Иваска во 2-м выпуске, предназначался для ея библиотеки в Александрии, книжный знак для кн. К. К. Любомирского, ex libris'ы для графа Иосифа де Мэстр (1754-1821) известного эмигранта, автора „Les Soirées de Pétérsbourg" и др., на-

писанных им в бытность посланником сардинского короля в Петербурге. Этот книжный знак не был определен Д. А. Ровинским в его монографии об Н. И. Уткине, где в списке его работ он значится под № 215, как „герб неизвестного лица", другой под № 219, также значившийся как „герб неизвестного лица"—есть книжный знак Петра Андреевича Кикина (1774—1834) мецената и первого председателя основанного им Общества Поощрения Художников. (Определения двух последних книжных знаков сделаны по моей просьбе нашим знатоком геральдики В. К. Лукомским). Насколько наши граверы в прошлом не считали книжные знаки произведениями искусства, показывает между прочим и то, что, за исключением Набгольца и барона Клодта, никто из них не подписывал своей фамилии и не ставил даже своих инициалов на книжных знаках, благодаря чему остается совершенно неизвестным кем были гравированы наши многие геральдические ex libris'ы. Только последние 20-25 лет наши художники наконец обратили внимание на эту отрасль искусства и многие из них начали рисовать и компоновать книжные знаки. Среди них по изяществу, грации и простоте одно из первых мест принадлежит К. А. Сомову, исполнившему десять ex libris'ов: для своего отца, для своего брата, А. Н. Бенуа, С. Д. Михайлова, С. П. Зенгер, В. П. Лобойкова, А. А. Михайловой (сестры художника), О. О. Преображенского и для Миронова и один для жены немецкого издателя — поэтессы Фойгт-Дидерихс. Экземпляр этого книжного знака имеется в собрании П. Д. Эттингера. По сравнению с иностранными, наши знаки отличаются еще одной особенностью — большими размерами.

По способу воспроизведения, только старинные наши геральдические знаки гравированы на меди, старинных же, гра-

вированных на дереве, у нас почти не имеется и очень немного литографированных, огромное большинство — воспроизведено цинкографией. В последнее время начали применять художественные способы — офорт и гравюру на дереве.

Целая группа так называемого младшего поколения художников „Мира Искусства", имеющая большие заслуги в области книжной графики, также обратила внимание и на книжный знак. Это новое поколение книжных иллюстраторов поняло, что книжная графика есть совмещение работ гравера и рисовальщика, что здесь, как и в гравюре, ничего не может быть случайного, все должно быть расчитано, каждая линия, каждое пятно. Сила и красота графики есть ритм линий, соотношение масс и пятен. Эти основные положения современной графики были проявлены художниками и в исполненных ими книжных знаках. И. Я. Билибин, О. Э. Браз, М. В. Добужинский, Е. Лансере, Г. Нарбут, Д. И. Митрохин, Г. К. Лукомский, В. Я. Чемберс, А. П. Остроумова — Лебедева, С. В. Чехонин и другие дали целый ряд талантливо исполненных книжных знаков. Количество исполненных этими художниками книжных знаков у каждого из них далеко не одинаково. Те из них, которые всецело посвятили себя иллюстрации книги, как Д. И. Митрохин, Нарбут Чемберс, Добужинский исполнили значительно больше книжных знаков, чем другие. Талантливой А. П. Остроумовой-Лебедевой исполнено всего три, но очаровательных ex libris'a — Брокара, А. В. Коленского и С. Н. Кознакова. В последнее время появился ряд талантливо-выполненных гравированных на дереве ex libri'sов, в работах: В. А. Фаворского, Н. Н. Куприянова, Д. И. Мельникова и А. И. Усачева. Среди новых, книжных знаков резко выделяются своим символизмом оригинальные ex libris'ы В. Н. Масютина. Между другими художни-

ками, исполнившими по нескольку знаков надлежит назвать: О. В. Энгельса, Ф. Захарова, Ф. Г. Берештама, Л. Зака, О. Пастернака, Н. Феофилактова. По одному, и не больше двух исполнили: Л. С. Бакст, М. А. Врубель, Е. Бем, В. И. Быстренин, В. В. Воинов, М. В. Добров, Е. А. Зернова, В. Д. Замирайло, А. Кравченко, Е. С. Кругликова, Э. К. Липгардт, В. В. Матэ, И. И. Нивинский, П. Я. Павлинов, М. В. Рундальцев, Н. С. Сомокиш, Соломко, И. А. Фомин, и С. П. Яремич. Большинство появляющихся новых книжных знаков исполняются теперь гравюрой на дереве. В наше время за границей почти нет писателя, ученого, художника, музыканта, общественного деятеля, издателя, который не имел бы своего книжного знака. Такое распространение ex libris'ов создало за границей уже давно целый ряд художников, которые можно сказать всецело посвятили себя этой отрасли искусства. Количество исполненных ими книжных знаков достигает весьма значительных цифр, так, например: известный английский рисовальщик геральдических ex libris'ов Шерборн, работы которого на аукционах достигают баснословных сумм, исполнил более 300 книжных знаков. Теперь за границей издаются отдельные сборники работ, исполненных тем или другим рисовальщиком книжных знаков. У нас наиболее плодовитыми по количеству исполненных ex libri'sов являются Заррин и И. Н. Павлов; последний исполнил свыше 30 ex libris'ов гравюрой на дереве и недавно выпустил издание собственных книжных знаков, напечатанное в количестве 35 экземпляров, что у нас является еще первым опытом. Среди любителей у нас выделились: А. Е. Фелькерзам, нарисовавший около 50 книжных знаков, Р. В. фон-Фрейман и У. Г. Иваск.

За границей, в виду огромного интереса к книжным знакам даже в широких массах, давно уже существуют

музеи книжных знаков, устраиваются постоянные и периодические выставки и аукционы, издаются специальные журналы, посвященые книжным знакам; назначаются постоянные конкурсы с премиями за лучшие из них, существует целый ряд обществ „Любителей книжных знаков", так еще в 1908 году ex libris verein zu Berlin по-своему Mitgliederliste, насчитывал 545 членов. В Англии с 1890 года существует два таких общества, одно из них занимается исследованием и отысканием главным образом старинных книжных знаков, второе же стремится к художественному усовершенствованию и развитию современных знаков, и к возбуждению и распространению интереса к ним в широких массах.

У нас еще в 1905 году возникло в Москве первое Общество любителей книжных знаков; учредителями его были: А. А. Бахрушин, У. Г. Иваск, В. К. Трутовский, А. К. фон Мекк и Д. В. Ульянинский. Общество это имело целью об'единить любителей и собирателей книжных знаков и содействовать разработке их как материала для книговедения и библиотековедения, а также содействовать распространению книжных знаков. В 1907 году Общество издало первый выпуск своих „Известий" с 9 книжными знаками и двумя портретами, выпущенный в количестве 100 экземпляров. За два года существования Общества в нем было всего 11 действительных членов и 3 члена сотрудника; на этом издании деятельность Общества прекратилась и только теперь, спустя 14 лет, Общество это намерено возобновить свою деятельность.

В 1919 г. Институт Художественно-Научной Экспертизы в Петербурге устроил первую выставку русских книжных знаков, которых было выставлено 1471. Был издан, в количестве 200 экземпляров, „Каталог выставки" с 12 подлинными книж-

ными знаками. Выставка имела успех, доказавший тот интерес, который пробудился теперь у нас к книжным знакам, но при нашей инертности и славянской лени, мы до сих пор не только не имеем музея наших книжных знаков, но даже простого списка коллекционеров. Многочисленные в данное время собиратели ex libris'ов не знают друг друга и даже простой обмен книжными знаками, так сильно распространенный за границей, у нас происходит как — то случайно. Попытка установить правильный обмен, предпринятая еще в 1905 г. в Москве антикваром В. М. Квитковым, издавшим в количестве 400 экземпляров, специальную для этого брошюру „Обмен ex libris'ов, которая продавалась всего за 84 к., потерпела неудачу. В этом нет ничего удивительного, так как у нас нетолько некоторые владельцы книжных знаков, но даже их коллекционеры позволяют себе не соблюдать простого акта вежливости,— на письмо, отвечать письмом же.

Лет 15 тому назад А. Е. Фелькерзамом было пожертвовано в Академию Художеств большое собрание книжных знаков, тщательно пополнявшееся в последствии библиотекарем Академии Ф. Г. Бернштамом; также уже давно У. Г. Иваском было принесено в дар личное собрание ex libris'ов Московскому Археологическому Институту и до настоящего времени, обе эти коллекции хранятся где-то под спудом и не доступны для обозрения публики. П. И. Нерадовским было также пожертвовано Отделению гравюр Русского Музея собрание книжных знаков, по поводу чего мною была напечатана в „Жизни Искусства" 1919 г. в № 233 небольшая статейка „Книжные знаки Русского Музея", в которой высказывалась просьба к художникам и коллекционерам не отказать в присылке их знаков; только весьма и весьма немногие отозвались на эту просьбу.

Что касается наших коллекционеров, то самое большое собрание книжных знаков в Петербурге имеется у В. С. Савонько; затем имеются коллекции у А. А. Сиверса, Ю. А. Нелидова, С. Н. Тройницкого, В. К. Лукомского, коллекционирующего исключительно геральдические знаки, А. А. Труханова, М. И. Рославлева и др. В Москве самое большое собрание у В. К. Трутовского и менее значительные у И. П. Сотникова, П. П. Шибанова, А. А. Иванова-Терентьева, Б. А. Павловского, А. И. Гинзбурга, П. Д. Эттингера, пишущего эти строки и др.

Большинство наших коллекционеров варварски наклеивает книжные знаки вплотную в альбомы по несколько штук на одном листе, без всякой системы, по мере их поступления; таким образом рядом с изящным офортом наклеен какой-нибудь трудно читаемый штемпель, далее идет красивая гравюра на дереве, а затем простой ярлык и т. д. Почти ни у кого нет каталогов и наведение справки предоставляется памяти владельца или же приходится просматривать все собрание. Для классификации книжных знаков существуют различные мнения: некоторые предлагают распределять знаки по различным типам отдельно: геральдические, декоративные, пейзажные, вензелевые, портретные, ярлыки и штемпеля; но большинство находит более удобным алфавитный порядок по именам владельцев. Само собой разумеется, что каждый книжный знак должен быть наклеен отдельно, на тонкий бристоль и не вплотную. На одном листе могут быть наклеены только разновидности одного и того же ex libris'a. Для каждой буквы алфавита должна быть особая папка в форме толстой книги.

В серьезных коллекциях должны быть два карточных каталога: по именам владельцев и по художникам. На карточке

первого из этих каталогов должны быть помещены полные сведения об каждом книжном знаке: фамилия, имя, отчество владельца, его адрес, краткое описание того, что изображено на знаке, с приведением текстуально всех подписей, фамилии и имена художников, граверов или литографов, исполнивших книжный знак, его размеры и способ воспроизведения, время его появления в свет и количество напечатанных экземпляров, способ его получения и библиография о знаке со ссылками на справочные издания. Карточка каталога по именам художников должна заключать в себе лишь краткие сведения: фамилию, имя, отчество художника, даты его рождения и смерти, его адрес и затем фамилии владельцев тех книжных знаков, которые этим художником исполнены.

В таком, приблизительно, порядке, мне пришлось видеть лишь одно у нас собрание книжных знаков, у П. Д. Эттингера.

В собрании Д. В. Ульянинского, труд У. Г. Иваска был переплетен так, что против каждой страницы текста был вклеен лист плотной бумаги, на котором наклеивались знаки „en regard".

Что касается обмена книжными знаками между коллекционерами, то здесь должен быть установлен принцип равноценности, т. е. геральдические должны обмениваться на геральдические, декоративные на декоративные и т. д. За границей обмен книжными знаками очень распространен и там не на редкость такие коллекционеры их, которые вовсе не имеют библиотек, а специально для обмена заказывают себе книжные знаки.

Кроме обыкновенных ex libris'ов у нас также имелись так называемые super ex libris'ы на переплетах книг. Этого рода значки были двух типов: вензеля или первые буквы имени вла-

дельца, а иногда и всей фамилии; а вторым типом являлись — гербы; как те, так и другие печатались золотом или на середине переплета, или на его корешке. Старейшим таким super ex libris'ом является знак с буквами „К. И. Ш. 1745". У нас почти совсем не применялись, употреблявшиеся французскими библиофилами, маленькие изящные, отпечатанные золотом штампы с рисунком символического или аллегорического содержания, например штампы, с изображением сидящей кошки или аиста, несущего в клюве ленту с надписью: „fidèle et libre", штампы эти ставились на корешках переплетов, почти незаметно сливаясь с его орнаментом. Что касается геральдических Super ex libris'ов, то В. А. Верещагин ошибочно утверждает, что эти знаки попадаются редко; кроме указанных им в его монографии, можно назвать: кн. Голицына, гр. Орлова, гр. Маврос и многих других. Попадаются книги с двумя разными Super ex libris'ами; несомненно, что в помещичьих и частновладельческих библиотеках, были сравнительно в большом употреблении эти штампы, но, само собой разумеется, что они не были изящной работы, ибо переплетное мастерство у нас никогда не стояло высоко.

В заключение, во избежание недоразумений и излишних поисков для коллекционеров, надлежит сказать об ошибках, встречающихся в трудах В. А. Верещагина и У. Г. Иваска. Воспроизведенный в обоих изданиях книжный знак Екатерины II никогда не существовал, это виньетка ошибочно принятая за ex libris. В труде В. А. Верещагина воспроизведенные им знаки „неизвестного происхождения" определяются следующим образом: рисунок № 4 — не ex libris, а герб Академии Наук с Минервой в щите, рис. 15 Super ex libris с гербом Баташевых; рис. 23 книжный знак Военно-Медицинской Академии; рис. 25, не „книж-

ный знак князя Г.", как значится у Верещагина, а ex libris князей Долгоруких с их гербом; рис. 26 super ex libris с гербом Сумароковых; А. Фадеев, книжный знак которого воспроизведен на рис. 30, — Александр Александрович, родившийся в 1829 г. и скончавшийся в 1889 г. был художником Гербового Отделения Сената; рис. 52—вторая часть, ex libris'a А. А. Половцова (на заднюю доску переплета), знак которого изображен на рис. 93; рис. 77—книжный знак не Курбатова, а Михаила Михайловича Курбанова. Книжный знак графа Ланского ошибочно приписан графу Скаржинскому, что исправлено в труде Иваска. В труде последнего можно указать следующие ошибки и неточности: книжный знак принца Петра Георгиевича Ольденбургского не его, а бывшей царской библиотеки; у него был синий штемпель с короной и буквой П. Также напрасно коллекционеры будут искать описанный Иваском книжный знак Максима Горького, он заказан не был, о чем было упомянуто в печати. Существует у этого писателя другой ex libris, рисованный известным французским художником Стейнлен. Точно также хранитель Эрмитажа Яков Иванович Смирнов лично мне заявлял, что не заказывал воспроизведенного Иваском его ex libris'a. Книжный знак М. Кузьмина ошибочно приписан современному поэту, последний также категорически от него отказывается. Ex libris Архангельской Городской Управы не книжный знак, а издательская марка, ex libris этой Управы простой штемпель в виде треугольника, о чем была напечатана заметка В. С. Савонько в „Библиографическом Вестнике" 1918 г. Описанный в 3-м выпуске книжный знак Г. К. Лукомского — рисунок для готовившегося к печати издания „Род Лукомских". Точно также не книжный знак, а рисунок, Ф. Г. Берендштама для Академии Художеств.

Два геральдических знака графов Толстых, гравированные Набгольцом (вып. I, стр. 278 и стр. 281), ошибочно приписаны Александру и Николаю Васильевичам Толстым, которые были не графы; на самом деле эти книжные знаки принадлежали: обер-гофмаршалу графу Николаю Александровичу Толстому (1761+1816 г.) и его сыну обер-шенку Александру Николаевичу (1793+1866 г.) Доска для обоих ex libris'ов была одна и та же, но имена были награвированы разные. В выпуске первом ссылки на рисунки 356 и 357 не соответствуют описанию.

Сергей Борисович Алмазов, знак которого воспроизведен в том же 3-м выпуске Иваска, не дьякон бывший посольской церкви в Вене, а бывший русский консул. Этот перечень неточностей в труде Иваска не претендует на исчерпывающую полноту, так как Иваском некоторые книжные знаки были описаны из „Вестника Литературы" Вольфа, где они помещались иногда не с исполненных ex libris'ов, а с рисунков, предназначавшихся для их печатания, появление которых еще не служило всегда гарантией того, что ex libris был действительно заказан.

За последние годы как число владельцев, так и число коллекционеров книжных знаков в России значительно возросло и надо думать, что и у нас, эти любители-коллекционеры сыграют ту же роль в истории книжного знака, какую они сыграли на Западе.

Перечень книжных знаков.

1. Алеши Бабкина.
   Рис. Д. И. Митрохина 1919 г.
2. Бенкендорфа.
3. А. И. Бычковой.
   Гравюра на дереве А. И. Усачева.
4. В. В. Воинова.
   Рис. В. В. Воинова.
5. В. Гинценберга.
   Офорт В. Н. Масютина.
6. В. Добужинского.
   Рис. М. В. Добужинского.
7. С. А. Детинова.
   Гравюра на дереве Замирайло.
8. А. И. Зилоти.
   Гравюра на дереве Л. С. Бакста.
9. А. В. Коленского.
   Гравюра на дереве А. П. Остроумовой-Лебедевой.
10. Н. Н. Куприянова.
    Гравюра на дереве Н. Н. Куприянова.
11. Н. М. Миронова.
    Рис. К. А. Сомова.
12. О. О. Нотгафта.
    Рис. И. Я. Билибина.
13. Оболенского.
    Гравюра на меди Е. Скотникова.
14. И. и Н. Саблукова.
    Гравюра на меди.

15. П. Д. Эттингера.
Гравюра на дереве В. Фаворского 1921 г.

В именных экземплярах.

16. Книжной Лавки Писателей.
Гравюра на дереве В. Фаворского 1921 г.
17. Э. В. Нивинской.
Офорт И. И. Нивинского.
18. Севастопольской биологической станции.
Рис. Е. А. Зерновой.
19. Л. А. Слонимского.
Рис. Д. И. Мельникова.
20. Л. Э. Стефани.
Гравюра на меди.

В экземплярах не для продажи.

21. И. С. Остроухова.
Рис. М. В. Врубеля.

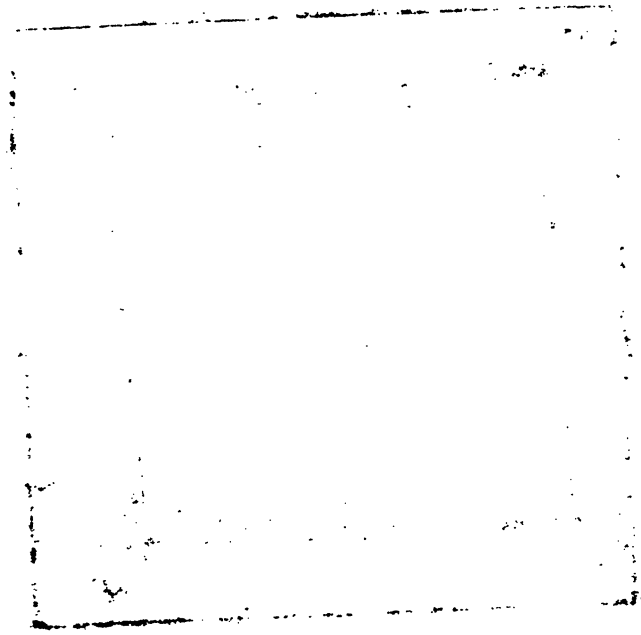
Редактор Ив. Лазаревский.

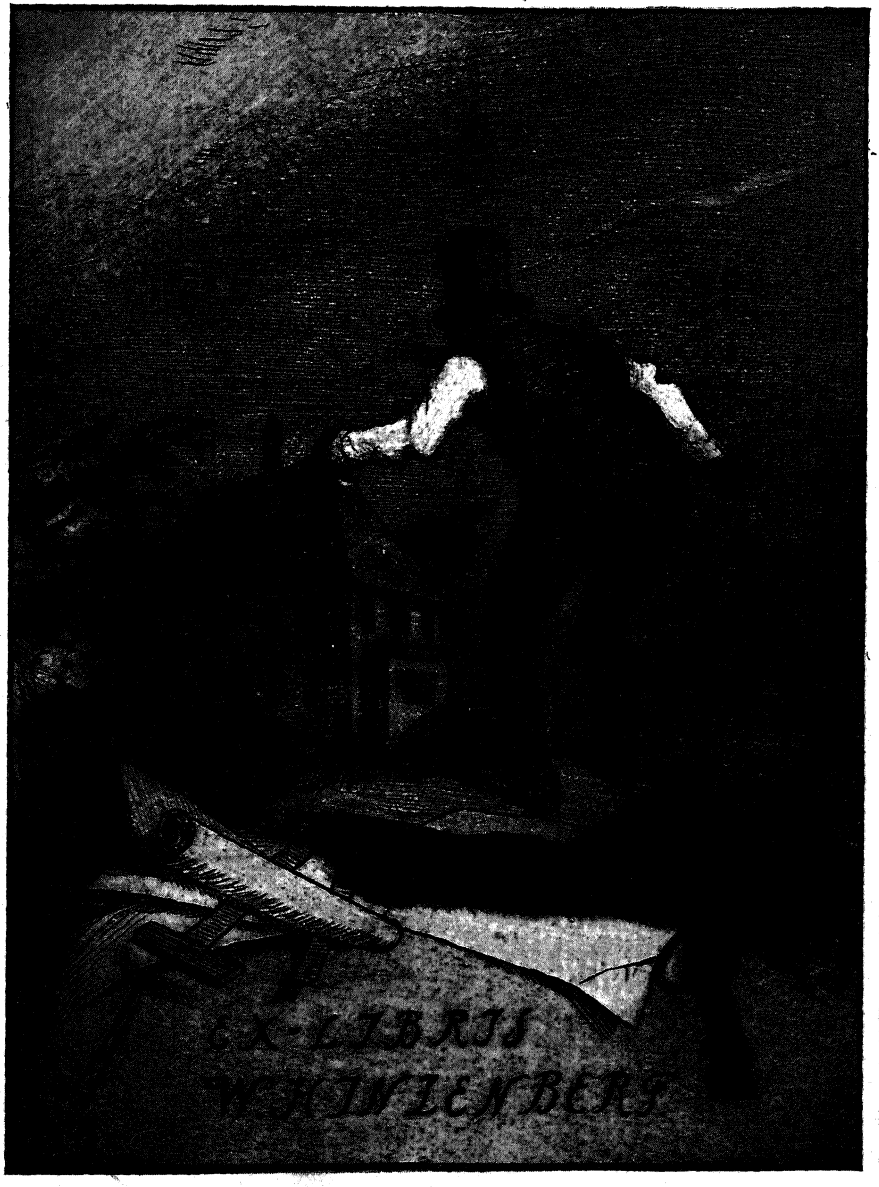
ИЗ КНИГ
АЛЕШИ
БАБКИНА

Comte de Benckendorff.

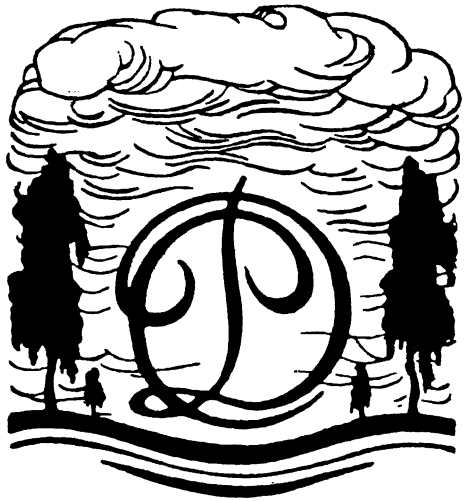
ИЗ КНИГ А.И
Бычковой.

Изъ книгъ
В. Воинова
№

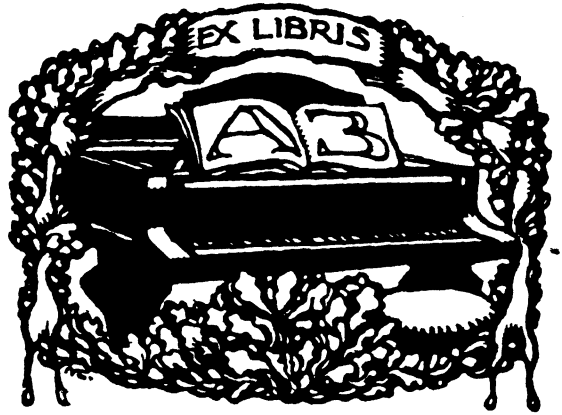



EX LIBRIS

VADE MECUM
WALERYAN
DOBUŻYŃSKI.

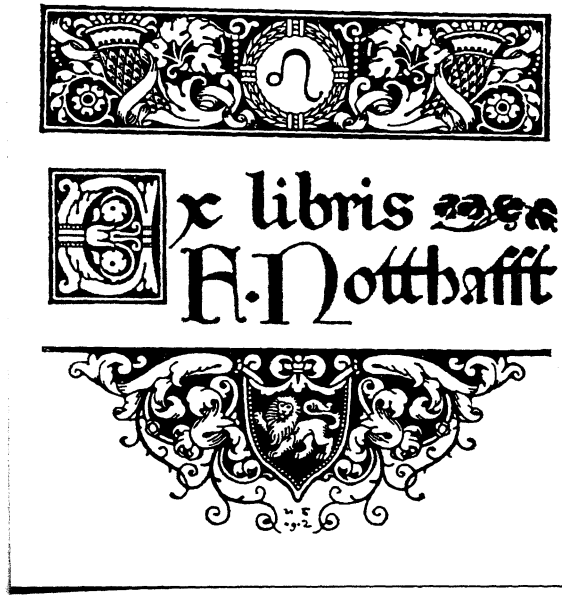


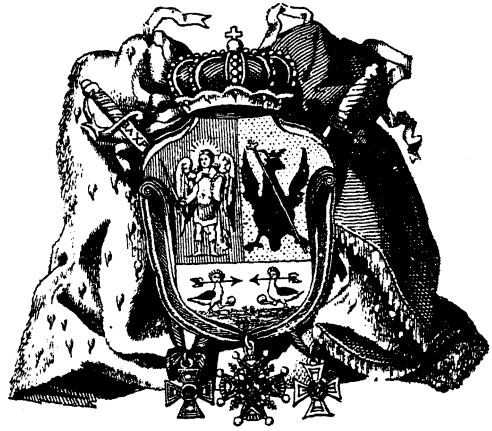
EX LIBRIS С.А.ДЪТИНОВА

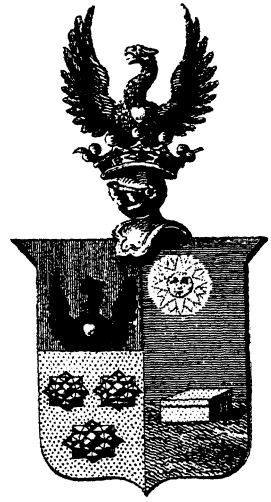

EX LIBRIS
AB

ИОТЪ КНИГЪ
НКУПРЕАНОВА

ИЗЪ КНИГЪ
Н. М. МИРОНОВА.


Ex libris
F. Notthafft



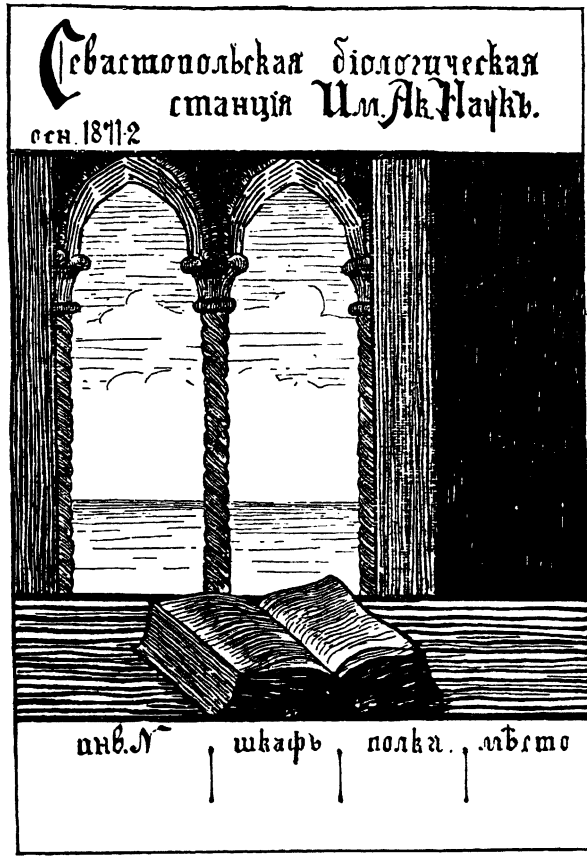


J. & N. Sabloukoff.

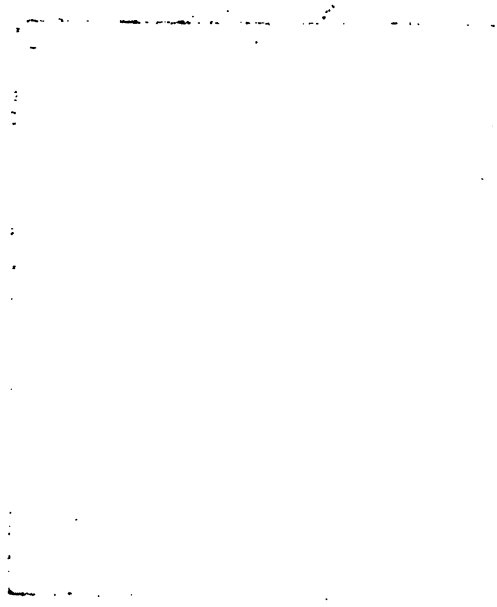
EX LIBRIS
P. ITTINGER

ИЗ КНИГ
КНИЖНОЙ
ЛАВКИ
ПИСАТЕЛЕЙ

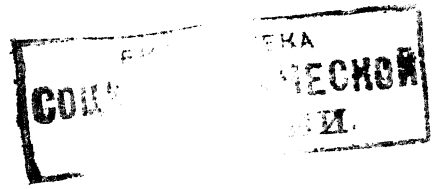
EX LIBRIS


Севастопольская біологическая
станція Им. Ак. Наукъ.
осн. 1871 г.
инв. №
шкафъ
полка
мѣсто

EX LIBRIS
Л. А.
СЛОНИМСКАГО.



BIBLIOTHECA
STEPHANIANA


ЕКА
ЕСНОЙ

(Р. В. Ц. Москва). 350 экз.

7-я типография М. С. Н. Х. (бывш. Мамонтова).